
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ НА ГЛОБАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ¹

Коротаев А. В., Бутовская М. Л., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В.*

Используя данные Всемирного обследования ценностей (World Values Survey), мы показываем, что респонденты старшего возраста склонны поддерживать просоциальные ценности и ценности заботы о других в большей степени, чем более молодые респонденты. Новизна нашего открытия заключается в том, что поддержку этих ценностей следует напрямую связывать именно с влиянием возраста, а не с фактором принадлежности к той или иной когорте. Главный вывод из этого открытия состоит в том, что глобальное старение будет фактором роста глобального уровня поддержки просоциальных ценностей, по мере того как мировое население будет стареть и средний возраст его станет повышаться. Наши результаты могут предоставить дополнительную поддержку гипотезе о двойственных эволюционных основаниях политической идеологии.

Ключевые слова: глобальное старение, ценности пожилых, религиозность, просоциальные ценности, ценности Шварца, изменение ценностей с возрастом.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

* Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, руководитель Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, в. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Korotayev, Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at Higher School of Economics, Leading research fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Бутовская Марина Львовна – д. и. н., член-корр. РАН, профессор, г. н. с., заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, профессор, главный научный сотрудник НИУ ВШЭ. E-mail: marina.butovskaya@gmail.com.

Butovskaya, Marina L. – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the RAS, professor, chief Researcher and Head of the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Chief Researcher, Higher School of Economics. E-mail: marina.butovskaya@gmail.com.

Шульгин Сергей Георгиевич – к. э. н., заместитель заведующего Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Shulgin, Sergey G. – Candidate of Economics, Deputy Head of International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., с. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: juliazin@list.ru.

Zinkina, Yulia V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: juliazin@list.ru.

IMPACT OF GLOBAL AGING ON THE GLOBAL VALUES SYSTEM

We use World Values Survey to show that older respondents tend to support pro-social values and values of care for the others more than younger respondents. The novelty of our finding lies in the fact that support for these values should be directly attributed to the age factor rather than cohort factor. We reveal that support of pro-social values and values of care for the others is not related to the particular values of the cohorts of the currently elderly people. The main implication of this finding is that support of pro-social values can be expected to grow with age as the currently younger cohorts enter their senior ages, as well. Conservatism and cooperation appear to be the main strategies of the older generation. Our results may provide additional support for the hypothesis of dual evolutionary foundations of political ideology.

Keywords: global ageing, values of the elderly, religiosity, pro-social values, Schwartz values, value change with age.

Введение

Все демографические прогнозы единогласно предсказывают значительное старение мирового населения в ближайшие десятилетия [Alkema *et al.* 2011; Kaneda *et al.* 2016; Lutz *et al.* 2018; Raftery *et al.* 2012; UN Population Division 2021; Vollset *et al.* 2020; Wittgenstein Center 2020]; см. Рис. 1 и 2.

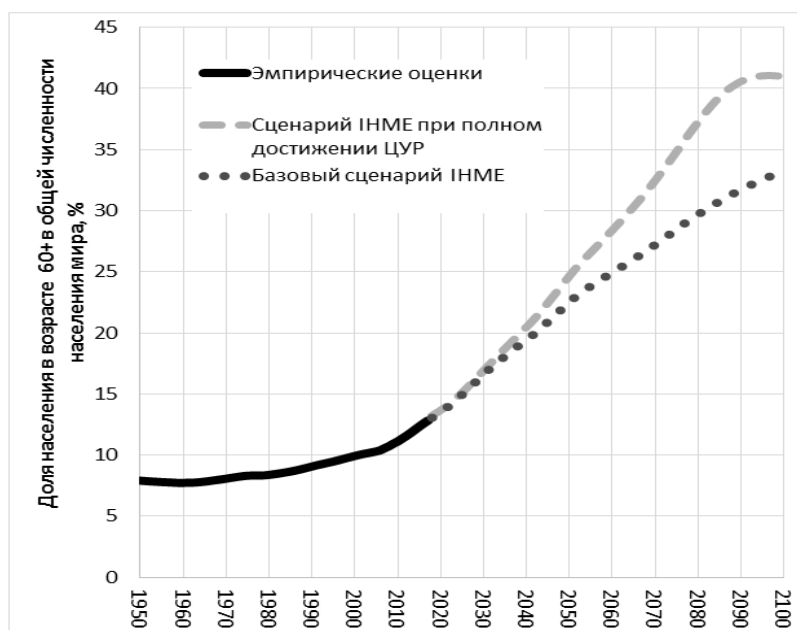

Рис. 1. Население в возрасте 60+, доля в общей численности населения (%); эмпирические оценки ИМЭ на 1950–2020 гг.; базовый сценарий ИМЭ на 2021–2100 гг.; сценарий ИМЭ на 2021–2100 гг. при полном достижении целей устойчивого развития.

«Этот сценарий показывает, какого вида популяционных трендов можно ожидать, если каждая страна и территория достигнет целей устойчивого развития по образованию и удовлетворению спроса на контрацепцию к 2030 г.» [Vollset *et al.* 2020: 1295]

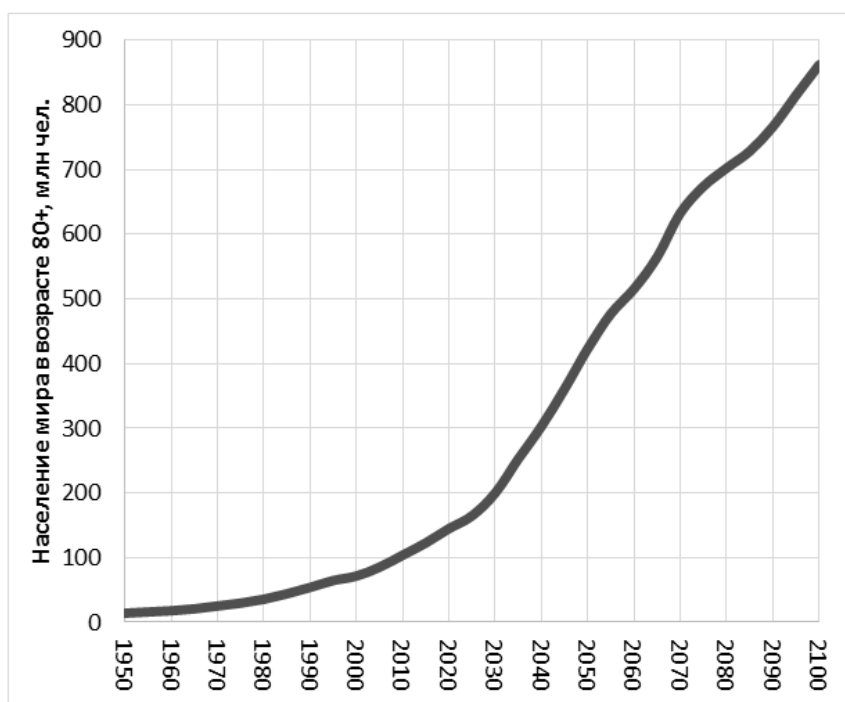

Рис. 2. Население мира в возрасте 80+, млн чел.; эмпирические оценки Отдела народонаселения ООН на 1950–2020 гг. и средний прогнозный сценарий Отдела народонаселения ООН на 2021–2100 гг.

Источник данных: UN Population Division 2021.

Итак, учитывая продолжающееся глобальное старение, важно понимать, какие последствия оно несет для возможных предстоящих изменений в глобальной системе ценностей. Действительно, известно, что многие важные ценности связаны с возрастом. Обзор литературы показывает, что ценности пожилых людей отличаются от ценностей молодежи по ряду существенных аспектов – например, пожилые люди, как правило, более религиозны, более консервативны и имеют более правые политические взгляды [Moberg 1953; Aging... 1968; Wilson 1973; Levin, Taylor 1997; Argue *et al.* 1999; Deaton 2009; Cornelis *et al.* 2009; Van Hiel, Brebels 2011; Tilley, Evans 2014]. Однако природа этих различий может быть двойственной – они возникают либо из-за влияния возраста как такового, либо из-за влияния когорты (принадлежности к определенному поколению, которое социализировалось в конкретной исторической ситуации, сформировавшей различие в ценностях), либо вследствие сочетания того и другого. Например, известно, что пожилые люди более религиозны, чем молодые. Однако до сих пор остается спорным, следует ли связывать этот факт с тем, что люди в целом становятся более религиозными по мере того, как становятся старше (эффект возраста), или с процессом секуляризации, в рамках которого более ранние когорты (к которым принадлежат люди, находящиеся сейчас в более пожилом возрасте) социализировались в более религиозной атмосфере, чем появившиеся позже более молодые

когорты (когортный эффект). Мы пытаемся исследовать роль эффекта возраста, дифференцируя его от эффекта когорты, чтобы понять, какие последствия продолжающийся процесс глобального старения может иметь для глобальной системы ценностей.

Ценности консерватизма и кооперации растут с возрастом

Есть некоторые теоретические основания предполагать, что разница между старшими и более молодыми возрастными группами может быть результатом эффекта возраста, а не эффекта когорты. Важные возрастные изменения связаны с активизацией кооперации. Это касается как женщин, так и мужчин. Однако для мужчин это связано с сохранением и передачей ценного опыта внутригруппового и межгруппового общения и правил поведения, контролем над миротворчеством и разрешением конфликтов, а также внутригрупповой ориентацией [Handley, Mathew 2020; Doğan *et al.* 2018; Wiessner 2019; Hagmann 2007; Agwanda, Harris 2009; Olowolafe *et al.* 2020; Travis, Saa 2021; Barnes, Magdalena 2020], а для женщин – с передачей опыта межпоколенческого общения и непосредственной заботой о внуках [Akhter-Khan 2020; Burkart *et al.* 2017; Konner 2018; Chapman *et al.* 2021]. В целом эволюция индивидуального развития (онтогенез) человека связана с увеличением общей продолжительности жизни в сочетании со снижением репродуктивного потенциала, что особенно ярко проявляется у женщин. Эволюционное возникновение менопаузы с ярко выраженным комплексом физиологических перестроек в процессе старения многие антропологи считают важной предпосылкой усиления ухода за генетически родственным потомством [Hawkes, Blurton Jones 2005; Sear, Mace 2008]. Гипотеза заботливых бабушек предсказывает больший вклад бабушек, чем дедушек, в первую очередь со стороны бабушек по материнской линии, во внуков [Cant, Croft 2019; Hawkes 2020]. Вклад бабушек и других близких родственников продолжает оставаться значительным в современных обществах, что подтверждает эффект родственного отбора в этих условиях [Pashos 2017; Perry, Daly 2017].

Обсуждая роль старшей возрастной когорты в поддержании групповой стабильности и сотрудничества, ряд авторов предлагают учитывать демографические характеристики, такие как фактор избирательного давления [Rodrigues 2018]. На основе математических моделей, предложенных А. Родригесом, в современном обществе выделяются два значимых фактора, определяющих рост интеграции и внутригруппового сотрудничества: первый фактор связан с общим увеличением продолжительности жизни и накоплением доли пожилых людей, второй – с увеличением доли людей, не участвующих в демографическом воспроизводстве. Как предположил Родригес, сами эти демографические трансформации могут принести дополнительный репродуктивный успех женщинам, которые после утраты собственной детородной способности заботятся о своих детях, внуках и иных младших родственниках [Mattison *et al.* 2018; Sear 2018]. В обоих случаях уровень сотрудничества и отбора на взаимопомощь возрастает на фоне снижения общей конкуренции за репродуктивные ресурсы [Rodrigues 2018; Abraham, Feldman 2018; Willführ *et al.* 2018].

На основе этой литературы мы выдвигаем гипотезу, что не только рост консервативных ценностей, но и сдвиг в сторону просоциальных ценностей следует

связывать с эффектом возраста, а не с когортным эффектом и, следовательно, следует ожидать, что в ближайшие десятилетия такой сдвиг будет сопровождать глобальное старение.

Методы

Мы используем данные глобального социологического проекта «Всемирное обследование ценностей» (*World Values Survey*) с 1-й по 7-ю волну. Используется лонгитюдный файл данных (*World Values Survey 2021*).

Оценивается многофакторная модель, в которой переменные, описывающие ценности, зависят от переменных возраста и когорты и контролируются на уровень образования (численное значение от 1 до 8), семейное положение (категориальная переменная), положение на рынке труда/занятость (категориальная переменная), уровень дохода (численная переменная), также мы контролируем на все страно-волны.

В качестве базовой мы используем логистическую модель (1) для объяснения связи между переменными в том случае, когда зависимая переменная является бинарной (то есть когда имеется лишь два типа ответов, к примеру, «Да» (1) / «Нет» (0)). Результаты оценки коэффициента для переменной «возраст» в логистической модели представлены в столбце 1 (см. табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Столбец ODDS (см. столбец 3 в табл. А1–А6 в онлайн-приложении) представляет отношение шансов, которое показывает, насколько вероятность выбора ответа (1) по сравнению с ответом (0) увеличивается с возрастом.

Ординарная логистическая модель (2) используется для объяснения связи в тех случаях, когда зависимая переменная имеет три или более порядковых уровней (например, «Очень счастлив» (1) «Довольно счастлив» (2), «Довольно несчастлив» (3), «Совсем не счастлив» (4)). Результаты оценки коэффициента для переменной «возраст» в ординарной логистической модели представлены в столбце 2 (см. Табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Для всех проанализированных переменных мы также представляем МНК-оценки модели (3). Влияние возраста оценивается в рамках модели множественной линейной регрессии (см. столбец 4 в табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Для МНК-модели спецификации уравнения представлены ниже:

$$Value = \beta_0 + \beta_1 age + \beta_2 cohort + \beta_3 education + \beta_4 sex + \beta_5 income + \sum_{m=2}^8 \gamma_m D_m + \sum_{l=2}^8 \delta_l D_l + \sum_{cw=2}^{45} \mu_{cw} D_{cw} + \epsilon \quad (1),$$

где *Value* в МНК включает собой ответ респондента относительно его представлений о ценностях. В логистической и ординарной логистической моделях $P(Value)$ означает вероятность выбора респондентом соответствующего ответа;

age, *cohort*, *education*, *sex*, *income* – это переменные, описывающие возраст, когорту, образование, пол и уровень дохода респондента;

D_m , D_l , D_{cw} – дамми-переменные для соответствующих уровней семейного положения, положения на рынке труда и участия в одной из страно-волн;

β , γ , δ , μ – коэффициенты регрессионного уравнения, оценочные значения которых получены в результате оценки этой модели на данных.

Мы оцениваем модели (1), (2) и (3) для шести региональных подвыборок респондентов обоих полов из экономически развитых стран – членов ОЭСР с высоким уровнем дохода (подгруппа развитых стран); Восточной Европы; Латинской Америки; Ближнего Востока и Северной Африки; Африки южнее Сахары; Восточной и Юго-Восточной Азии. Списки стран, входящих в каждый из регионов, и годы проведения в них опросов WVS представлены в табл. 1.

Таблица 1

Страны и страно-волны, вошедшие в шесть региональных подвыборок

Регион	Страны и страно-волны
ОЭСР 16 стран 56 страно-волн 78 102 респондента	Австралия (1981, 1995, 2005, 2012, 2018), Канада (1990, 2000, 2006), Финляндия (1981, 1996, 2005), Франция (2006), Германия (1997, 2006, 2013, 2018), Израиль (2001), Италия (2005), Япония (1981, 1990, 1995, 2000, 2005, 2010, 2019), Нидерланды (2006, 2012), Новая Зеландия (1998, 2004, 2011, 2020), Норвегия (1996, 2007), Испания (1990, 1995, 2000, 2007, 2011), Швеция (1982, 1996, 1999, 2006, 2011), Швейцария (1989, 1996, 2007), Великобритания (1998, 2005), США (1982, 1990, 1995, 1999, 2006, 2011, 2017)
Восточная Европа 22 страны 52 страно-волны 64 760 респондентов	Албания (1998, 2002), Беларусь (1990, 1996, 2011), Босния и Герцеговина (1998, 2001), Болгария (1997, 2005), Хорватия (1996), Чехия (1991, 1998), Эстония (1996, 2011), Греция (2017), Венгрия (1982, 1998, 2009), Латвия (1996), Литва (1997), Македония (1998, 2001), Молдова (1996, 2002, 2006), Черногория (1996, 2001), Польша (1989, 1997, 2005, 2012), Румыния (1998, 2005, 2012, 2018), Россия (1990, 1995, 2006, 2011, 2017), Сербия (1996, 2001, 2017), Словакия (1990, 1998), Словения (1995, 2005, 2011), Украина (1996, 2006, 2011), Югославия, Сербия и Черногория (2005)
Латинская Америка 17 стран 53 страно-волн 74 341 респондент	Аргентина (1984, 1991, 1995, 1999, 2006, 2013, 2017), Боливия (2017), Бразилия (1991, 1997, 2006, 2014, 2018), Чили (1990, 1996, 2000, 2006, 2012, 2018), Колумбия (1997, 2005, 2012, 2018), Доминиканская Республика (1996), Эквадор (2013, 2018), Сальвадор (1999), Гватемала (2004, 2020), Гаити (2016), Мексика (1981, 1990, 1996, 2000), 2005, 2012, 2018), Никарагуа (2020), Перу (1996, 2001, 2006, 2012, 2018), Пуэрто-Рико (1995, 2001, 2018), Тринидад и Тобаго (2006, 2010), Уругвай (1996, 2006, 2011), Венесуэла (1996, 2000)
Ближний Восток и Северная Африка 16 стран 40 страно-волн 64 298 респондентов	Алжир (2002, 2014), Египет (2001, 2008, 2013, 2018), Иран (2000, 2007, 2020), Ирак (2004, 2006, 2013, 2018), Иордания (2001, 2007, 2014, 2018), Кувейт (2014), Ливан (2013, 2018), Ливия (2014), Марокко (2001, 2007, 2011), Пакистан (1997, 2001, 2012, 2018), Палестина (2013), Катар (2010), Саудовская Аравия (2003), Тунис (2013, 2019), Турция (1990, 1996, 2001, 2007, 2011, 2018), Йемен (2014)
Африка южнее Сахары 11 стран 25 страно-волн 44 109 респондентов	Буркина-Фасо (2007), Эфиопия (2007, 2020), Гана (2007, 2012), Мали (2007), Нигерия (1990, 1995, 2000, 2011, 2018), Руанда (2007, 2012), Южная Африка (1982, 1990, 1996, 2001, 2006, 2013), Танзания (2001), Уганда (2001), Замбия (2007), Зимбабве (2001, 2012, 2020)

Окончание табл. 1

Регион	Страны и страно-волны
Восточная и Юго-Восточная Азия 18 стран 55 страно-волн 82 467 респондентов	Бангладеш (1996, 2002, 2018), Китай (1990, 1995, 2001, 2007, 2018), Гонконг (2005, 2013, 2018), Индия (1990, 1995, 2001, 2006, 2014), Индонезия (2001, 2006, 2018), Казахстан (2011, 2018), Кыргызстан (2003, 2011, 2020), САР Макао (2020), Малайзия (2006, 2012, 2018), Мьянма (2020), Филиппины (1996, 2001, 2012, 2019), Сингапур (2002, 2012), Южная Корея (1982, 1990, 1996, 2001, 2005, 2010, 2018), Тайвань (1994, 2006, 2012, 2019), Таджикистан (2020), Таиланд (2007, 2018), Узбекистан (2011 г.), Вьетнам (2020 г.)

Результаты

Религиозность. Во всех шести подвыборках респонденты старшего возраста значительно чаще сообщают о частом посещении религиозных служб (F028). Кроме того, респонденты старшего возраста значительно чаще утверждают, что Бог очень важен в их жизни (F063), в странах ОЭСР, Восточной Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии. Респонденты старшего возраста также чаще утверждают, что религия очень важна в их жизни (A006), в странах ОЭСР, Латинской Америке и Восточной Европе. Они также чаще сообщают о том, что являются активными членами церкви / религиозной организации (A098), в странах ОЭСР и странах Африки к югу от Сахары.

Просоциальные ценности. Во всех подвыборках респонденты старшего возраста значительно чаще утверждают, что:

- безбилетный проезд в общественном транспорте (F115) никогда не является оправданным (значимо для стран ОЭСР, Восточной Европы, Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Африки южнее Сахары; статистически незначимо, но в прогнозируемом направлении в Восточной и Юго-Восточной Азии);

- уклонение от уплаты налогов (F116) никогда не является оправданным (значимо для стран ОЭСР, Восточной Европы, Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии; маргинально значимо при одностороннем тесте в странах Африки южнее Сахары);

- получение взятки (F117) никогда не является оправданным (значимо в ОЭСР, Восточной Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке; маргинально значимо с односторонним тестом в Восточной и Юго-Восточной Азии; статистически незначимо, но в предсказанном направлении в Африке южнее Сахары).

Сохранение против открытости изменениям. Мы также используем модель Шварца, данные для которой были собраны в рамках 5-й и 6-й волн Всемирного обследования ценностей. Согласно этой модели, ценности делятся на четыре измерения, а именно: сохранение («ценности, подчеркивающие порядок, самоограничение, сохранение прошлого и сопротивление изменениям»), открытость изменениям («ценности, подчеркивающие независимость мысли, действия и чувств, и готовность к изменениям»), выход за пределы своего «я» / забота о других («ценности, подчеркивающие заботу о благополучии и интересах других»), самоутверждение/саморазвитие («ценности, подчеркивающие следование собствен-

ным интересам и относительный успех и превосходство над другими») [Schwartz 2012: 8].

- Сохранение включает в себя безопасность, традицию и конформизм (безопасность = «безопасность, гармония и стабильность общества, связей и себя самого»; традиция = «уважение, приверженность и принятие обычаев и идей, предоставляемых соответствующей культурой или религией»; конформизм = «ограничение действий, наклонностей и импульсов, которые, вероятно, расстроят или повредят другим и нарушат общественные ожидания или нормы»).

- Открытость изменениям включает самостоятельность, стимуляцию и гедонизм (самостоятельность = «независимость мысли и выбора действия, созидания, исследования»; стимуляция = «волнение, новизна и вызов в жизни»; гедонизм = «удовольствие или чувственное вознаграждение себя»).

- Самоутверждение/саморазвитие включает гедонизм, власть и достижение (Hedonism = «удовольствие или чувственное вознаграждение себя»; власть = «социальный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами»; достижение = «личный успех через демонстрацию компетенций, соответствующих социальным стандартам»).

- Выход за пределы своего «я» / забота о других включает благожелательность и универсализм (благожелательность = «сохранение и увеличение благополучия тех, с кем человек находится в частом личном контакте (“своя группа”)»; универсализм = «понимание, признание, толерантность и защита благополучия всех людей и природы») [*Ibid.*].

В нашем анализе группы ценностей, находящиеся напротив друг друга в круговой диаграмме Ш. Шварца, были попарно объединены в оси. Таким образом были получены две оси: первая – сохранение («ценности, подчеркивающие порядок, самоограничение, сохранение прошлого и сопротивление изменениям») против открытости изменениям («ценности, подчеркивающие независимость мысли, действия и чувств, и готовность к изменениям»); вторая – выход за пределы своего «я» / забота о других («ценности, подчеркивающие заботу о благополучии и интересах других») и самоутверждение («ценности, подчеркивающие следование собственным интересам и относительный успех и превосходство над другими») [*Ibid.*]. Во всех шести подвыборках стран респонденты старшего возраста больше склоняются к ценностям сохранения, а не открытости (значимо в ОЭСР, Восточной Европе, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии; значимо при одностороннем тесте значимости в Латинской Америке; маргинально значимо при одностороннем тестировании в Африке южнее Сахары; статистически незначимо, но в предсказанном направлении в регионе Ближнего Востока и Северной Африки).

Выход за пределы своего «я» / забота о других против самоутверждения. Наш анализ этой оси показывает, что во всех подвыборках респонденты старшего возраста более склонны поддерживать такие ценности, как забота о других (благожелательность, универсализм), и менее склонны к ценностям *самоутверждения* (значимо в странах ОЭСР, Восточной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки; значимо при одностороннем тесте в Латинской Америке; маргинально значимо при одностороннем тесте в Африке к югу от Сахары).

Обсуждение

Таким образом, респонденты старшего возраста склонны поддерживать просоциальные ценности и ценности заботы о других больше, чем респонденты более молодого возраста, и, как показывает наш анализ, этот вывод следует напрямую связывать с возрастным фактором, а не с фактором когорты. Другими словами, поддержка просоциальных ценностей и ценностей заботы о других не связана с конкретными ценностями когорт нынешних пожилых людей и, как можно ожидать, будет расти с возрастом по мере того, как молодые в настоящее время когорты будут также вступать в пожилой возраст. Таким образом, наши результаты согласуются с данными, представленными недавно другими авторами, показывающими, что общий рост просоциальных мотиваций с возрастом (включая благотворительные пожертвования или волонтерство на общее благо) носит чисто альтруистический характер [Maug, Freund 2020]. Просоциальное поведение коренным образом меняется с возрастом, и пожилые люди менее склонны к эгоистической тенденции при принятии решений [Lockwood *et al.* 2020]. Кроме того, наряду с общим ростом просоциального поведения с возрастом, антисоциальное поведение и насилие значительно уменьшаются на протяжении жизни [Hiraiwa-Nasegawa 2005; Liberman 2008]. Консерватизм и сотрудничество кажутся главными стратегиями старшего поколения. Следовательно, ранее развившаяся как базовая эволюционная адаптация, направленная на поддержание стабильности общества и благоприятных условий для выживания потомства в небольших обществах в палеолите, эта адаптация продолжает приносить очевидные преимущества, несмотря на интенсивные процессы технологического (информационного) развития и преобразования в сфере занятости и организации общественной жизни. Стабильность такой адаптации свидетельствует о ее исключительной важности для выживания человечества в прошлом и настоящем. Наши результаты могут предоставить дополнительную поддержку гипотезе о двойственных эволюционных основаниях политической идеологии [Claessens *et al.* 2020; Duckett, Sibley 2009; Feldman, Johnston 2014].

Выводы

Таким образом, учитывая общую тенденцию населения мира к старению, можно ожидать усиления социального консерватизма наряду с увеличением бескорыстной приверженности просоциальным ценностям. Это можно рассматривать как усиление сильной реципрокности, которую С. Боулз и Х. Гинтис определяют следующим образом: «Если генетически неродственные члены группы извлекают выгоду из взаимной приверженности социальной норме, агенты могут подчиняться норме и наказывать ее нарушителей, даже если такое поведение не может быть оправданным с точки зрения самооценки, предпочтений, ориентированных на результат» [Bowles, Gintis 1998: 1]. Глобальное старение, кажется, вызывает в основном негативные коннотации. Однако наш анализ показывает, что в области ценностных ориентаций глобальное старение может иметь некоторые положительные эффекты за счет усиления поддержки просоциальных ценностей на глобальном уровне.

Литература / References

- Abraham E., Feldman R. The Neurobiology of Human Allomaternal Care; Implications for Fathering, Coparenting, and Children's Social Development // *Physiology & Behavior*. 2018. Vol. 193. Pp. 25–34.
- Aging and Society: An Inventory of Research Findings / ed. by M. W. Riley, A. Foner. New York : Russell Sage Foundation, 1968.
- Agwanda T., Harris G. People-to-People Peacemaking and Peacebuilding: A Review of the Work of the New Sudan Council of Churches // *African Security Studies*. 2009. Vol. 18. No. 2. Pp. 42–52.
- Akhter-Khan S. C. Providing Care is Self-care: Towards Valuing Older People's Care Provision in Global Economies // *The Gerontologist*. 2020. Vol. 20. No. 20. Pp. 1–9.
- Alkema L., Raftery A. E., Gerland P., Clark S. J., Pelletier F., Buettner T., Heilig G. K. Probabilistic Projections of the Total Fertility Rate for All Countries // *Demography*. 2011. Vol. 48. No. 3. Pp. 815–839.
- Argue A., Johnson D. R., White L. K. Age and Religiosity: Evidence From a Three-Wave Panel Analysis // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1999. Vol. 38. No. 3. Pp. 423–435.
- Barnes B. E., Magdalena F. V. Traditional Peacemaking Processes Among Indigenous Populations in the Northern and Southern Philippines // *Conflict Resolution in Asia: Mediation and Other Cultural Models* / ed. by S. P. Stobbe. Lanham : Lexington Books, 2020. Pp. 63–82.
- Burkart J. M., Van Schaik C., Griesser M. Looking for Unity in Diversity: Human Cooperative Childcare in Comparative Perspective // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2017. Vol. 284. No. 1869. Pp. 1–10.
- Bowles S., Gintis H. The Evolution of Strong Reciprocity. 1998. SFI Working Paper 1998-08-073 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfi-edu.s3.amazonaws.com/sfi-edu/production/uploads/sfi-com/dev/uploads/filer/a3/cf/a3cf6a69-5ff8-4eb8-8f26-235b5405d4cb/98-08-073.pdf> (дата обращения / accessed: 01.08.2021).
- Cant M. A., Croft D. P. Life-History Evolution: Grandmothering in Space and Time // *Current Biology*. 2019. Vol. 29. No. 6. Pp. R215–R218.
- Chapman S. N., Lahdenperä M., Pettay J. E., Lynch R. F., Lummaa V. Offspring Fertility and Grandchild Survival Enhanced by Maternal Grandmothers in a Pre-Industrial Human Society // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. P. 3652.
- Claessens S., Fischer K., Chaudhuri A., Sibley C. G., Atkinson Q. D. The Dual Evolutionary Foundations of Political Ideology // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. Pp. 336–345.
- Cornelis I., Van Hiel A., Roets A., Kossowska M. Age Differences in Conservatism: Evidence on the Mediating Effects of Personality and Cognitive Style // *Journal of Personality*. 2009. Vol. 77. No. 1. Pp. 51–88.
- Deaton A. Aging, Religion, and Health. No. w15271. National Bureau of Economic Research, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nber.org/papers/w15271> (дата обращения / accessed: 01.08.2021).
- Duckitt J., Sibley C. G. A Dual-Process Motivational Model of Ideology, Politics, and Prejudice // *Psychological Inquiry*. 2009. Vol. 20. Pp. 98–109.

Doğan G., Glowacki L., Rusch H. Spoils Division Rules Shape Aggression Between Natural Groups // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2. No. 5. Pp. 322–326.

Feldman S., Johnston C. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. Pp. 337–358.

Hagmann T. Bringing the Sultan Back in: Elders as Peacemakers in Ethiopia's Somali Region // *State Recognition and Democratization in Sub-Saharan Africa*. New York : Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 31–51.

Handley C., Mathew S. Human Large-Scale Cooperation as a Product of Competition Between Cultural Groups // *Nature Communications*. 2020. Vol. 11. No. 702.

Hawkes K. The Centrality of Ancestral Grandmothering in Human Evolution // *Integrative and Comparative Biology*. 2020. Vol. 60. No. 3. Pp. 765–781.

Hawkes K., Blurton Jones N. G. Human Age Structures, Paleodemography, and the Grandmother Hypothesis // *Grandmotherhood: The Evolutionary Significance of the Second Half of Female Life*. N. p. : Rutgers University Press, 2005. Pp. 118–140.

Hiraiwa-Hasegawa M. Homicide by Men in Japan, and its Relationship to Age, Resources and Risk Taking // *Evolution and Human Behavior*. 2005. Vol. 26. No 4. Pp. 332–343.

Kaneda T., Greenbaum C., Patierno K. 2018 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2016. URL: <https://www.prb.org/2016-world-population-data-sheet/> (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

Konner M. Nonmaternal Care: A Half-Century of Research // *Physiology & Behavior*. 2018. Vol. 193. Pp. 179–186.

Levin J. S., Taylor R. J. Age Differences in Patterns and Correlates of the Frequency of Prayer // *Gerontologist*. 1997. Vol. 37. No. 1. Pp. 75–88.

Lieberman A. *The Long View of Crime: A Synthesis of Longitudinal Research*. N. p. : Springer, 2008.

Lockwood P., Abdurahman A., Gabay A. S., Drew D., Tamm M., Husain M., Apps M. A. Ageing Increases Prosocial Motivation for Effort. 2020. Preprint. DOI: 10.31234/osf.io/8c5ra.

Lutz W., Goujon A., Kc S., Stonawski M., Stilianakis N. *Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 Assessment for 201 Countries*. Publications Office of the European Union, 2018.

Mattison S., Moya C., Reynolds A., Towner M. C. Evolutionary Demography of Age at Last Birth: Integrating Approaches From Human Behavioural Ecology and Cultural Evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2018. Vol. 373. No. 1743. P. 20170060.

Mayr U., Freund A. M. Do We Become More Prosocial as We Age, and if so, Why? // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29. No. 3. Pp. 248–254.

Moberg D. O. Church Membership and Personal Adjustment in Old Age // *Journal of Gerontology*. 1953. Vol. 8. No. 2. Pp. 207–211.

Olowolafe O. V., Olonade O. Y., Adetunde C. O. A Contextual Analysis of Three Major Tribes' Traditional Conflict Resolution Mechanisms in Pre-Literate Nigerian Society // *Applied Research Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 3. No. 3. Pp. 1–13.

Pashos A. Asymmetric Caregiving by Grandparents, Aunts, and Uncles and the Theories of Kin Selection and Paternity Certainty: How Does Evolution Explain Human Behavior Toward Close Relatives? // *Cross-Cultural Research*. 2017. Vol. 51. No. 3. Pp. 263–284.

Perry G., Daly M. A Model Explaining the Matrilateral Bias in Alloparental Investment // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 114. No. 35. Pp. 9290–9295.

Raftery A. E., Li N., Ševčíková H., Gerland P., Heilig G. K. Bayesian Probabilistic Population Projections for all Countries // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Vol. 109. No. 35. Pp. 13915–13921.

Rodrigues A. M. M. Demography, Life History and the Evolution of Age-Dependent Social Behavior // *Journal of Evolutionary Biology*. 2018. Vol. 31. No. 9. Pp. 1340–1353.

Sear R. Family and Fertility: Does Kin Help Influence Women’s Fertility, and How Does This Vary Worldwide? // *Population Horizons*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 18–34.

Sear R., Mace R. Who Keeps Children Alive? A Review of the Effects of Kin on Child Survival // *Evolution and Human Behavior*. 2008. Vol. 29. Pp. 1–18.

Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2. No. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1116.

Tilley J., Evans G. Ageing and Generational Effects on Vote Choice: Combining Cross-Sectional and Panel Data to Estimate APC Effects // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 33. Pp. 19–27.

Travis C., Saa W. Restorative Peacebuilding in Liberia: Traditional Practices of Mourning and Reconciliation // *Natural Healing as Conflict Resolution*. IGI Global, 2021. Pp. 100–125.

UN Population Division. *World Population Prospects 2021*. Vol. I. Comprehensive Tables. New York : United Nations : UN Population Division, 2021.

Van Hiel A., Brebels L. Conservatism Is Good for You: Cultural Conservatism Protects Self-Esteem in Older Adults // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 1. Pp. 120–23.

Vollset S. E., Goren E., Yuan C.-W., Cao J., Smith A. E., Hsiao T. *et al.* Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories From 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 2020. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).

Wiessner P. Collective Action for War and for Peace // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 224–244.

Willführ K. P., Johow J., Voland E. When the Mother-in-Law is Just as Good – Differential Mortality of Reproductive Females by Family Network Composition // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13. No. 3. P. e0193252.

Wilson G. D. *The Psychology of Conservatism*. New York : Academic Press, 1973.

Wittgenstein Centre. Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer, 2020. URL: <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

WVS [World Values Survey, 2020] / Longitudinal Data File, 1981–2020 (file: “WVS_TimeSeries_R_v1_2.rds”) – Vienna: Institute for Comparative Survey Research, 2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения / accessed: 01.08.2021).